А.В.Буганов,
кандидат исторических наук

ЛИЧНОСТИ И ЭПОХИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Историческая память лежит в основе национальной традиции любого народа, его самосознания. Чем насыщеннее народная память, тем крепче и устойчивее народная жизнь. В статье мы рассмотрим некоторые характерные черты коллективной памяти русских крестьян, которые в течение многих веков не только составляли большинство населения России, но и были основными хранителями этнических традиций.

Народный взгляд на историю страны в значительной мере формировался через оценку выдающихся исторических личностей. Коллективная память крестьян отбирала и сохраняла имена государственных и общественных деятелей, устроителей церкви, народных героев и т. д. В их делах и свершениях проступала глубинная психология русского этноса, его душевные и религиозно-нравственные устои.

Обращение к историко-этнографическим источникам XIX–XX вв. – историческому фольклору, ответам на программы научных обществ, мемуарной литературе и другим источникам – с достаточной степенью полноты позволяет определить круг событий и лиц, сохранившихся в людской памяти, а также выявить подходы и принципы выделения народным сознанием тех или иных фактов прошлого. При анализе материала автор исходит из того, что само бытование воспоминаний об определенном лице служит важнейшим фактором его признания (положительного или отрицательного) в народе. Соответственно установление схожих представлений в различных регионах России свидетельствует о масштабности явления.

Со времен Киевской Руси идеализированный тип народного героя являли собой былинные богатыри. Героические сказания о прошлом повествовали о делах всего народа, олицетворяя его в отдельных богатырях. Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Микула Селянинович, по выражению Д.М.Балашова, стали идеальной учительной конструкцией национального типа в его героическом варианте[1].

[1] См.: *Балашов Д.М.* Эпос и история (к проблеме взаимосвязей эпоса с исторической действительностью) // Русская литература. 1983. № 4. С. 104.

Общерусская эпическая традиция постепенно складывалась на основе локальных традиций тех мест, откуда люди переселялись на новые территории государства. В XIX столетии былины лучше сохранились на Русском Севере – в Архангельской и Олонецкой губерниях, но в тех или иных вариантах они продолжали бытовать на всей территории расселения русских – в Сибири, Поволжье, на Дону и Урале, в центральных губерниях[1]. Исследователи и путешественники, побывавшие в русской деревне, отмечали, что облики богатырей, как людей, обладавших огромной силой, были настолько ясны в сознании местного населения, что доходили до осязательности: в народе давали им подробные характеристики, связывали с ними свои родовые предания, указывали места их селищ и следы их деятельности.

В бранных подвигах богатырей национальное начало тесно сливалось с конфессиональным. Являясь формой церковного послушания, богатырство было проникнуто идеей православного служения. Так, Илья Муромец, отправляясь в Киев, обращается с молитвой к Богу, строит часовню, служит обедню, кладет заветы великие, ставит свечу дорогую за покровление во пути во дороженьке[2].

Согласно былинной эпической традиции, Древняя Русь должна была сначала побороть своих внутренних «соловьев-разбойников» (подвиг Ильи Муромца) и «змеев горынычей» (подвиг Ивана Царевича), чтобы потом стать великой страной. Не случайно богатыри – славные «оберегатели» и «стоятели» земли русской.

Некоторые народные легенды говорили об Илье Муромце как о святом: «Прилетала невидима сила ангельска и взимала то его с добра коня и заносила в пещеры во Киевски, и тут старый преставился, и по ныне его мощи нетленныя»[3]. Несмотря на то что былинная традиция в XIX в. постепенно отмирала, память о богатырях сохраняется до наших дней. 19 декабря установлено почитание преподобного Илии Муромца, Печерского, погребенного в Ближних пещерах (ок.1188). Под Москвой построен храм во имя св. прп. Ильи Муромца Киево-Печерского, в декабре 1998 г. в новосибирский ка-

[1] См., например: *Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. Т. I. М., 1897. С. 65–96; *Дмитриева С.И.* Географическое распространение русских былин. М., 1975. С. 21; *Миненко Н.А.* Историко-краеведческие знания русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Развитие культуры сибирской деревни. Новосибирск, 1986. С. 34.

[2] См.: *Майков Л.* О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863. С. 113.

[3] Жития святых. 1000 лет русской святости. Собрала монахиня Таисия. 2-е изд. Т. 2. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. С. 336; Свидетельства об Илье Муромце как угоднике, погребенном в Киево-Печерской лавре собраны в кн.: *Лобода А.М.* Русский богатырский эпос. Киев, 1896. С. 15–19. См. также: *Халанский М.Г.* Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885. С. 100–103.

федральный Вознесенский собор паломники из Киево-Печерской лавры доставили частицы мощей Ильи Муромца[1].

Тип национального лидера русского средневековья представлен князьями-дружинниками. Они были призваны «володети и княжити». В их подвигах ценились и личная праведность, и национальное служение. Они защищали родную землю. Богоугодность князя заключалась в самоотверженной, подчас жертвенной любви к народу. В житиях святых – воителей за русскую землю – такая готовность положить свой живот «за други своя» была постоянной и едва ли не главной темой.

Удачливые в битвах русские князья быстро становились почитаемыми в народе; церковная канонизация следовала, как правило, позднее (явление, типичное для Руси и других христианских стран: признание снизу обычно предшествовало официальному). Именно народ признал святых в князьях Борисе и Глебе прежде, чем был найден другой святой – в их отце равноапостольном Владимире. На Руси, если князь не потерпел неудачи в выполнении своей миссии, весьма вероятно было его прославление в лике святых – хотя бы потому, что положение князя призывало его к великим деяниям, а часто и к великому самопожертвованию. Не случайно из 180 первых русских святых 60 были князьями.

Как отмечал Г.Федотов, каждое столетие русской истории окрашивалось в определенные агиографические цвета. Например, имена Кирилла Белозерского и Иосифа Волоцкого, одних из самых чтимых в Московской Руси, были почти забыты в эпоху империи. В XVIII–XIX вв. и в официальном, и в народном почитании первое место отводилось св. князьям Владимиру и Александру Невскому. Не случайно из всех святых князей Древней Руси император Петр Первый наиболее почитал именно Александра, кто в народном сознании стал символом Божьей помощи в борьбе с иноземными врагами[2].

Деятельность московских князей и царей, направленная на защиту церкви и русской народности, формировала в глазах русских образ национального и государственного лидера, окружая его ореолом святости. Представления о сакральном характере власти возникли задолго до венчания на царство Ивана IV в 1547 г. Постепенно они поднялись до признания великого князя Божьим слугой, стражем Земли Русской от врагов иноплеменных и внутренних. Историк И.Е.Забелин справедливо отметил, что новый тип политической власти вырос на старом кореню. Народная Русь исстари стояла на служении верой и правдой Батюшке-государю[3].

[1] См.: Десятина. 1998. № 1. С. 8; Церковь и общество. 1999. № 1–2. С. 116.
[2] См.: *Федотов Г.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 49, 51.
[3] Цит. по: *Коринфский А.А.* Народная Русь. М., 1994. С. 81.

Восприятие царя как помазанника Божия лежало в основе монархизма, тех самых пресловутых «царистских иллюзий», о которых столь скептически сказано в учебниках и научных монографиях советского времени. В этих трудах, главным образом по идеологическим причинам, не учитывалось главное – религиозная природа явления. Народ передавал свою волю во власть воли Высшей, которая наделяла властью монарха. При этом и сам царь осуществлял государственное служение как послушание, отрекаясь от личной воли. В менталитете русских государей понятие власти основывалось на ее божественном происхождении и на законности престолонаследования «от отцов и дедов». Линия наследования престола считалась непрерывной и в народной памяти; когда в фольклоре провозглашали следующего царя, под ним, само собой, подразумевался сын.

Особенностью воззрений русских было глубоко укоренившееся чисто семейное, родственное отношение к царю. Монарх был не первым дворянином в государстве, как в Западной Европе, а именно царем-батюшкой, повиновение которому понималось как долг. В представлениях простых людей происходило даже своего рода окрестьянивание царя. К титулу государя часто прибавлялись слова «батюшка» или «надежа». И конечно, в народном сознании монарх – неизменно православный властелин громадной страны: «Как возговорит наш батюшка православный царь всей ли же России Петр Алексеевич».

Многие наблюдатели отмечали, что крестьяне любили слушать рассказы о царе-батюшке, о «его делах во славу и могущество России», избу украшали любимыми иконами и изображениями русских государей. Корреспондент Этнографического бюро, живший в деревне Заозерье Вельского уезда Вологодской губернии, сообщал: «В доме у зажиточного крестьянина в переднем углу – большая «божница», на ней большая икона «Троеручицы», писаная на дереве в Шенкурском женском монастыре, где живут в монахинях сестра и дочь Андрея Семеновича, хозяина дома. В простенках – картины: сотворения мира и жизни первых людей – тоже из Шенкурска; два портрета – царя и царицы. Картина царя и царицы сверху украшена большими крыльями в виде орла (1899 год)»[1]. Информаторы из других местностей также подтверждали, что из портретов в крестьянских избах наиболее часты изображения государя.

Как показывают имеющиеся в нашем распоряжении источники, образы Ивана Грозного, Петра Великого, Александра I и Александра II оставили наиболее значительный след в памяти русских (разумеет-

[1] Русский Этнографический музей (далее – РЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 100. Л. 13.

ся, это не означает, что правление других царей и цариц ускользнуло от народного внимания).

Примеры отрицательного отношения к царям редки. Упомянем о трактовке образа Ивана Грозного в новгородском и псковском фольклоре, которая несомненно связана с памятью об опричнине и подавлением новгородского восстания. Характерно, что даже в местных песнях и сказаниях довольно часто звучали мотивы, связанные с темой осознания Иваном своего греха или вразумления царя каким-либо святым угодником, посредством Божьего чуда и т. п.

В представлениях отдельных групп крестьян сказывались не только локальные, но и конфессиональные особенности. Раскол, нарушение религиозной однородности русского общества привели к неприятию Петра Первого в старообрядческой традиции, особенно на Севере. В среде староверов отец Петра Алексей Михайлович, активно содействовавший реформам патриарха Никона, стал восприниматься с осуждением. Впоследствии это отношение в еще большей степени – с учетом масштабности преобразований и личности самого царя-реформатора – было перенесено на Петра I. Он был объявлен не «природным», а подмененным царем, ему противопоставили «истинного царевича» Алексея и даже провозгласили первого российского императора антихристом.

Несмотря на наличие радикальных взглядов в некоторых старообрядческих согласиях, готовность низложить Петра, даже самые яростные обличители не вступали в конфликт с царской властью как таковой, не подвергали сомнению ее легитимность. Напротив, оставаясь последовательными и искренними монархистами, всячески подчеркивали свою верность истинному монарху.

Традиционная линия идеализации царя соседствовала с социально-утопическими устремлениями, нередко воплощавшимися в образе государя ожидаемого, противопоставленного реальному. Об этом свидетельствовало устойчивое бытование легенд об избавителях с начала XVII до середины XIX в.[1] Они возникали независимо от предшествующих подобных сюжетов, поскольку утопические ожидания постоянно жили в народе. Для создания новой легенды нужно каждый раз исчерпать надежду на правящего царя, найти форму осмысления его как неистинного и, наконец, противопоставить ему истинного или прямого царя или царевича-избавителя[2]. Не случайно именно в периоды междуцарствия, особенно тогда, когда правящий царь не был прямого царского корня (Годунов, Шуйский, Екатерина II), этот процесс ускорялся.

---

[1] См.: *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967.
[2] См.: *Чистов К.В.* Указ. соч. С. 222

Первоначально образ избавителя в крестьянских представлениях носил расплывчатый характер. Более конкретные черты он приобретал, как правило, с появлением самозванца. По наблюдению К.В.Чистова, с начала XVII и до середины XIX в. едва ли можно обнаружить два–три десятилетия, не отмеченные появлением самозванца. Постепенно самозванство вырождалось, но упование на настоящего, доброго царя оставалось надолго. Надеждам на истинных государей сопутствовала вера в землю обетованную, страну правды и воли. Со слухами о милостивых царских указах переплетались легенды о далеких землях, где можно спокойно трудиться и жить.

Характерно, что вера в монарха как защитника народных интересов распространялась и на других представителей династии, прежде всего цариц[1]. Так, глубокий след в сердцах современников оставила первая жена Ивана Грозного царица Анастасия. Возникли предания о ее необыкновенной кротости и добродетели, с помощью которых она укрощала буйный нрав своего супруга. Считали, что после ее ранней смерти все отрицательные качества Ивана Грозного выплеснулись наружу[2].

Популярна в народе была императрица Мария Федоровна, жена Павла I. В то время, когда заветным желанием крепостных крестьян во всей России было выписаться на волю, в деревнях Марии Федоровны замечалось совершенно противное: мещане и, вообще, вольные люди приписывались к числу ее крестьян. Императрица заботилась об их довольстве, основывала сельские воспитательно-благотворительные учреждения. Нередко устраивала крестьянам праздники, где в ее присутствии молодежь пела песни и водила хороводы. Главным итогом деятельности и венцом благотворительности Марии Федоровны стала ее учебно-воспитательная система, известная под названием «учреждения императрицы Марии». Сюда входили приюты и дома призрения для детей и учебно-воспитательные заведения, преимущественно женские[3].

В конце XIX – начале XX столетия народные взгляды на русских самодержцев достаточно быстро трансформировались, все более отдаляясь от безоговорочного почитания. Если образ царя в фольк-

[1] Приведем здесь мнение исследователя П.В.Лукина, высказанное им применительно к началу XVII столетия: «В народном сознании того времени существовала идея о том, что женитьба царя представляет собой акт его окончательной легитимации». См.: *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 127.

[2] См.: *Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А.* Первые Романовы на российском престоле. М., 1996. С. 19. Благотворному воздействию на натуру Ивана IV царицы Анастасии и священника Сильвестра много внимания уделяется и в «Истории» Н.М.Карамзина.

[3] См.: *Михневич В.О.* Очерк истории Павловска. СПб., 1877. С. 332–334.

лорных текстах еще сохранял абстрактный мифологизированный характер (в фольклоре XIX в. мифологичность была скорее стилистической жанровой особенностью, позволявшей придерживаться обобщенного фольклорного прототипа), то в реальной жизни верховный носитель власти оценивался взвешенно, а порой и излишне критически. В незначительной степени это расхождение между фольклорной традицией и фигурой реального монарха было свойственно восприятию Александра III. Гораздо заметнее размывание монархического идеала сказалось в отношении к последнему царю династии Романовых Николаю II.

Анализ многих материалов, а также судебно-следственной документации показывает, что большинство россиян на рубеже веков воспринимали носителя верховной власти позитивно, а государственное устройство мыслилось однозначно в виде монархии, причем абсолютной («Нельзя земле без царя стоять»)[1].

К началу правления Николая II ресурс монархизма был достаточно прочен. Когда во время коронации 1896 г. случилась ходынская трагедия, царя в народе не винили, а жалели его и погибших. В народной песне о Ходынке Николай II среди виновников катастрофы не фигурировал. Начало разрушению монархического идеала в народном сознании было положено 9 января 1905 г., когда тысячи рабочих с крестами и хоругвями двинулись из-за Невской заставы к царскому дворцу с просьбой, как тогда говорили. Но вместо переговоров произошел расстрел, и тем самым была подстрелена (но еще не расстреляна) вера в царя.

Чуждые сознанию народа лозунги и перспективы русско-японской войны и, конечно же, ее неудачный исход, поражения на фронтах Первой мировой неизбежно вели к критике государственной политики, падению авторитета Николая II. Усилиями революционеров-пропагандистов в войсках «царь-батюшка» сменялся уничижительным «Николашка». Иссякал исторический ресурс монархизма как мировоззрения. Крах российской государственности в значительной мере стал следствием девальвации в общественном сознании образа помазанника Божия, являвшегося в течение многих веков символом государственности России, воплощением ее религиозной и национальной идентичности.

---

[1] См.: *Черняев Н.* Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М., 1998.С. 131–151; *Лобачева Г.В.* Отражение монархических воззрений русского народа в паремиологических материалах второй половины XIX – XX веков // Проблемы политологии и политической истории. Саратов, 1994. С. 9, 11–12; *Иенсен Т.В.* Источники и методы изучения общественного сознания пореформенного крестьянства (на примере Костромской губернии): Дис… канд. ист. наук. М., 1999. С. 17, 52.

Не только цари, но и крупнейшие полководцы прошлого считались у русских выразителями Божьей воли. Поскольку в истории России войны и вооруженные конфликты были довольно частым явлением (за все дореволюционное время с трудом можно отыскать лишь несколько мирных периодов, длившихся более десяти лет), в памяти крестьян высоко ценились полководцы и военные герои, добывавшие славу России и проявлявшие боевые и героические качества русских людей[1]. В военных противостояниях ярко проступали и весомее ценились черты личности как выразителя народного духа. Неудивительно, что деятельность полководцев, направленная на защиту национальных интересов, освящалась как господствующей Церковью, так и народным сознанием.

После создания регулярной армии в начале XVIII в. в песнях о походах и сражениях все чаще на первый план выходят отличившиеся военачальники. К ним от царя постепенно переходит защита отечества. М.В.Скопин-Шуйский, Д.М.Пожарский и другие защитники русской земли от поляков во времена смуты начала XVII в. – «оберегатели мира крещеного и всей нашей земли Святорусския»[2]. Б.П.Шереметева, царева большого боярина, генерала и кавалера, чтили как первого победителя шведов в Северной войне. В песнях о Прусской войне атаман И.М.Краснощеков, переодевшись купцом, даже посещает прусского короля в его резиденции (впоследствии этот подвиг героя казаков был приписан другому казачьему атаману – М.И.Платову, отправившемуся в Париж к «самому французу»). В последующие десятилетия победная традиция в песнях опиралась на образы П.А.Румянцева, З.Г.Чернышева[2] и других полководцев. Военачальники-бояре, выступавшие вместе с народом против внешнего врага, представали в фольклоре искренними патриотами. Таковы были, например, Семен Пожарский, отказавшийся изменить родине и погибший в татарском плену, боярин-воевода Карамышев в песнях об осадах Пскова и Волоколамска и др.

---

[1] «Историю героев», войны, важные события в жизни государства аккумулировала в себе, главным образом, мужская коллективная память (разумеется, это не означает, что женщины не могли выступать хранителями «мужской» версии истории, особенно в Новое время). О гендерных характеристиках. коллективной исторической памяти см.: *Пушкарева Н.Л.* Андрогинна ли Мнемозина? (Гендерные особенности запоминания и исторической памяти) // *Вишленкова Е.А.* (ред.). Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001. С. 274–304.

[2] Исторические песни XVII в. № 32. М.-Л., 1966. С. 49.

[3] Интересно, что спустя почти два столетия, перед капитуляцией фашистской Германии весной 1945 г. среди советских офицеров шли разговоры о событиях 1760 г., когда Захар Чернышев принял ключи от Берлина. См.: *Жукова М.* Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души. М., 1999. С. 19.

По глубокому народному убеждению для успеха любого начинания, в том числе военного, необходимо было получить Божью помощь. Естественно, что русские – сначала солдаты, а затем, по их рассказам, и крестьяне – знали о набожности своих полководцев, ценили ее. Особо выделяли А.В.Суворова, который, как, вероятно, никакой другой военачальник, соответствовал народному идеалу предводителя русского воинства. Суворов соблюдал религиозные обряды, пел с певчими на клиросе. Полководец даже самолично составил молитвенник и коротенький катехизис. Когда командовал Суздальским полком, квартировавшим в Новой Ладоге, построил храм для полка. До наших дней сохранились два его походных иконостаса[1].

Каждое сражение Суворов начинал и завершал молитвой. Говорили, что накануне битвы полководец созывал солдат и заставлял по очереди становиться на его правую ногу, и над теми воинами, которые должны были пасть в предстоящем сражении, разверзалось небо, и ангел Божий спускался к обреченному на смерть и держал венец над его головой[2].

Победы Суворов приписывал Всевышнему. Знаки отличия, привезенные от матушки-царицы, после обедни сам вносил в алтарь на блюде и просил священника окропить их святой водой. Потом в церкви полководец собственноручно возлагал их на всех генералов и офицеров, нередко и на солдат, удостоенных монарших милостей. Каждого награжденного вызывали, он становился на колени, крестился, целовал знак отличия. После этого Суворов вручал орден и благословлял награждаемого[3].

По мнению народа, Суворов был богатырь и знал «Планиду небесную»[4]. Солдаты приписывали ему не только благочестие, но и традиционные для народных воззрений свойства колдуна: «Знал он все на свете, проницал замыслы врагов, чуял в безводных местах ключи»[5]. Именно сочетание в избраннике Божием Суворове непревзой-

---

[1] Один из них теперь хранится в музее А.В.Суворова в Санкт-Петербурге, другой, до 1903 г. находившийся в Варшавском дворцовом управлении, передан Суворовскому кадетскому корпусу.

[2] *Бурцев А.Г.* Полное собрание этнографических трудов Т. VI. СПб., 1910. С. 263.

[3] *Боголюбов Ф.* Взгляд генералиссимуса Александра Васильевича Суворова на религию в деле воспитания солдата // Христолюбивое воинство. Православная традиция русской армии. М., 1997. С. 166.

[4] РЭМ. Д. 1576. Л. 17.

[5] *Петрушевский А.Т.* Генералиссимус князь Суворов. Т. III. СПб., 1884. С.301. О личности Суворова и его образе в восприятии народа см.: *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2002. С. 269–286.

денного воинского умения с органически присущей ему демократичностью создало в народном представлении завершенный образ национального героя-полководца.

Показательна и народная трактовка воинских подвигов Суворова, практически все свои кампании проведшего за пределами России (с Турцией – 1787–1791 гг., с Наполеоном – 1799 г.). Войны с турками, хотя и диктовались государственными интересами России выйти к южному морю, в глазах народных масс были борьбой с мусульманами за православную Россию, т. е. носили явный религиозный отпечаток. Не случайно и в песнях суворовского цикла военные события изображались очень сжато, в центре внимания оказалась личность православного героя-полководца, деятельность которого сознательно расширялась до общенациональных масштабов.

Избранниками Божиими считали М.И.Кутузова, самого популярного после Суворова русского полководца, и «белого генерала» русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М.Д.Скобелева[1]. Как и его славные предшественники, Скобелев, с точки зрения крестьян, неизменно выходил победителем в сражениях, и если бы не он, то нашим досталось бы плохо. Если речь все же заходила о неудачах, говорили, что Скобелева не было при этом[2].

Конфессиональный фактор, наряду с социальным, определяли память о вождях крестьянских движений. В отношении к бунтарям переплетались мотивы социального протеста и христианского смирения. С одной стороны, Степан Разин, Емельян Пугачев представали как избавители, социальные мстители за перенесенные народом лишения. С другой стороны, «религиозная формация души» русских (по выражению Н.А.Бердяева) обусловила отношение к бунтарям как к «великим грешникам». Именно поэтому во многих поволжских преданиях Разина не принимает земля. Преданный анафеме вождь повстанцев связывает свои страдания со страданиями народа: «А буду я мучиться до скончания мира, ежели русский народ не прозрит»[3]. В тех легендах, где Разин изображен как грядущий избавитель, связь с христианскими воззрениями менее заметна. Но и в них он обещает прийти и покарать людей за грехи и неправду.

Из предводителей восстаний лишь Степан Разин фигурировал в социально-утопических представлениях крестьян. Уже в ходе крестьянского движения ходили слухи о его неуязвимости и чаро-

[1] РЭМ. Д. 555. Л . 3.

[2] Там же. Д.818. Л.9.

[3] *Нефедов Ф.О.* Этнографические наблюдения на пути по Волге и ее притокам // Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Кн. IV. М., 1877. С. 57.

действе; ему приписывались необычайная сила и сверхъестественные возможности. Отголоски этого взгляда на Разина проникли в исторические документы (например, в донесения воеводы Дашкова), в записки иностранцев, наполнили многие песни и предания. И в дальнейшем Степан Тимофеевич оставался в народной памяти самым непобедимым атаманом. В Самарской губернии рассказывали, что злодей крайне был смышлен, его не брали ни пуля, ни острая сабля. По одному из поверий, бытовавших в Астраханской губернии, Стенька Разин был колдун, пускал корабли по суху, а средь моря расстелит на воде ковер да и сядет играть в кости с товарищами (запись 1853 г.)[1]. Был распространен мотив о неизбежном возвращении атамана. Скоро, говорили старики, час его настанет, он взмахнет кистенем – и от обидчиков, лихих кровопивцев, мигом не останется и следа. Верили, что Разин жив, бродит по городам и лесам и иногда помогает беглым и беспаспортным. Но больше говорили, что он сидит где-то в горе и мучается...

Жизнь и свершения царей, полководцев, других государственных деятелей в сознании крестьян измерялись прежде всего мерками общенациональной значимости. Роль в укреплении могущества Русского государства, в защите его от внешних врагов – важнейший показатель признания исторической личности в народе.

К наиболее почитаемым деятелям относились как к выразителям воли Божией. Первейшим критерием оценки монархов и крупнейших полководцев была их верность православной идее, высшим религиозным ценностям.

Демократизм в поведении, простота в быту – вот черты, которые делали историческое лицо особенно привлекательным, будь то царь-труженик или военачальник-солдат.

Многие крупные деятели прошлого, часто вопреки реальному ходу исторических событий, представлялись крестьянам защитниками их социальных чаяний, противопоставлялись плохим боярам, помещикам (разумеется, к плохим, нерадивым господам относили не всех представителей высшего сословия, а тех из них, которые не соответствовали православным народным представлениям об общественном служении).

Русское сословное деление (а народное сознание отмечало выдающихся личностей из разных слоев общества) имело в своем основании мысль об особенном служении каждого сословия. Сословные обязанности в значительной мере мыслились как религиозные,

[1] Архив Географического общества. Р. XXXIV. Д. 16. Л. 15 об.; *Михайлов И.* Поверья и предрассудки в Астраханской губернии // Астраханские губернские ведомости. 1853. № 14. С. 64.

а сами сословия – как разные формы общего для всех христианского дела – спасения души. Соответственно, народная оценка деятельности тех или иных лиц основывалась, еще раз подчеркнем, на традиционных христианских воззрениях. Определяющим в оценке исторической личности был православный и патриотический подход.

Несколько слов скажем и о восприятии русскими исторических лиц других народов. Как и в русской истории, особенно интересовались царями, военными и государственными лидерами этих народов. Например, в фольклоре о Северной войне русским противостояла шведская сила, православному царю Петру I – король шведский. Рассказывали, что Карл был широкий, росту среднего, плечистый; настоящий был воин, да на воина попал, Петр I ему не уступал.

Судя по многочисленным пословицам о Боге и царе, в представлениях крестьян русскому государю принадлежала власть над всей землей, над всеми народами. Иноземных и иноверных государей в народе считали как бы вассальными правителями. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. старые солдаты объясняли ее причины тем, что турок «взбунтовался» и что царь приказал «усмирить» его.

Очень интересовала народ личность Наполеона. Несмотря на то что с древности те, кто посягнул на православное Русское государство, считались нехристями, басурманами (даже если они принадлежали к христианскому миру), великому полководцу отдавали должное. В Саранском уезде Пензенской губернии в 1899 г. при чтении описания Отечественной войны крестьяне радовались, когда слушали отрывки о поражении наполеоновской армии, но достоинства Наполеона восхваляли, тогда как при чтении о русско-турецкой войне султана ругали[1]. Правда, даже императора французов бес попутал: «Ка б Наполеен ни делал в церквах конюшни для лошадей, дык яго бы взяло, а то... ишь, нехристь, что выдумал, конюшни в церквах делать»[2].

Рассказывали крестьяне и об Александре Македонском, почитая его сильным воином и мудрецом. Крестьянин Козьма Черепанов создал в Сибири исторический свод всех известий об Александре Македонском (вплоть до XIX в. литературная работа по принципу свода была основной в крестьянской среде).

От последней русско-турецкой войны сохранились имена некоторых турецких генералов. Правда, как уже упоминалось, их оценка, в отличие от характеристики Наполеона, однозначно отрицательная. Во многих местностях фамилии турецких пашей сделались бранными словами. Османом стали называть человека упрямого,

[1] РЭМ. Д. 1390. Л. 13; см.также: Д. 1569. Л. 1 (Смоленская губерния).
[2] Там же. Д. 980. Л. 9–10.

часто несогласного с другими: Экой ты Осман, настоящий Осман-паша!; Мухтара помнили по собачьим кличкам[1].

Воззрения русских на историю страны и мира проявлялись не только в характеристике отдельных деятелей, но и в выделении различных эпох и событий прошлого. Оно происходило на двух уровнях. Во-первых, в крестьянских представлениях отложились наиболее крупные исторические эпохи в их общей временной последовательности (прошлое не мыслилось просто как «время отцов и дедов», существовало понятие линейного необратимого времени). Ими были основание Русского государства, татаромонгольское иго, Смутное время, периоды царствования Ивана Грозного, Петра Первого, императрицы Екатерины II и т. д. Во-вторых, внутри этих эпох выделялись самые значимые факты, события, в первую очередь войны. В эти периоды истории наиболее интенсивно шел процесс осмысления общенациональных задач и интересов.

В соответствии с двумя уровнями выделения существовали представления о хронологической последовательности исторических событий. В отношении крупнейших эпох никаких временных смещений и смешений не происходило. Взятые же в срезе одной эпохи исторические события зачастую переплетались, хронологическая и фактологическая последовательность нарушалась. Причина подобных нарушений заключалась как в недостаточной исторической осведомленности, так и в специфике осмысления прошлого. Разумеется, вряд ли крестьяне, имея возможность располагать реальными фактическими знаниями о событиях и лицах, так стойко придерживались бы неточных, а подчас мифологических истолкований. Вместе с тем следует иметь в виду, что народ, как правило, воспринимал и принимал лишь то, что не входило в противоречие с его исторической памятью и основополагающими воззрениями. В простонародье часто наделяли любимых героев лучшими чертами, заимствуя их у других персонажей, приписывали порой не совершенные ими деяния.

Например, людская молва в Симбирской губернии причудливо связывала спасение Русского царства князем Дмитрием Пожарским с именем Ивана Грозного. Малюте Скуратову в песне отдавалось повеление казнить царевича Иоанна Иоанновича, но Пожарский сохранял царского сына, и Грозный жаловал доброго боярина. В одной из песен Дмитрий Пожарский – вопреки историческим фактам – был даже избран в цари[2]. Действительно, на состоявшемся

[1] РЭМ. Д. 805. Л. 2; см. также Д. 1390. Л. 13.

[2] Подмечено, что уже в 20-х годах XVII столетия, судя по некоторым крестьянским высказываниям, на князя Пожарского распространялась прерогатива, присущая традиционно в народном сознании именно царю – «смирять воров». См.: *Лукин П.В.* Указ. соч. С. 118.

в январе–феврале 1613 г. земском соборе Пожарский назывался в числе возможных претендентов на престол, но выборы закончились, как известно, воцарением Михаила Романова. В песне Пожарский отказывается от престола в его пользу:

Как и возговорит к боярам Пожарский князь:
«Ох, вы гой еси, бояры, воеводы московские!
Уж вы выберите себе в православные цари
Из славного, из богатого дома Романова –
Михаила, сына Федоровича».
И выбрали себе в цари Михаила, сына Федоровича[1].

Столь своеобразное преломление воспоминаний о борьбе различных кандидатур за русский престол говорит не только об отношении к спасителю Руси князю Пожарскому, но выявляет народные воззрения на то, каков должен быть православный царь.

Степан Разин в фольклоре действовал вместе с Ермаком, Пугачев упоминался в качестве помощника Разина. Суворов и Платов сообща преследовали французов и т. п. Подобную непоследовательность в крестьянском мировоззрении подметил корреспондент Тенишевского этнографического бюро И.Гринев: «По мнению крестьян Петр Великий жил тотчас после Иоанна Грозного, Суворов победил Наполеона, чтобы взять в плен и проч.»[2] (сообщение из Дорогобужского уезда Смоленской губернии. 1898 г.).

В памяти крестьян различных регионов, наряду с фактами общенационального характера, сохранялись сведения и о локальных событиях. На Псковщине в XVIII в. и позднее любили рассказывать предания о княгине Ольге. П.Якушкину в тех же местах не один раз случалось слышать, что в Изборске, который прежде был стольный город, княжил Трувор, что там жил первый князь русский Рюрик[3]. Самой знаменитой страницей в древней истории Ельца было нашествие Тамерлана в 1385 г. По преданию, в городе поставили четыре часовни в память ельчан, убитых Тамерланом.

В 1826 г. в Пелыме (Пелымский край Западной Сибири) доживал свой век стотридцатилетний старец – крестьянин Антон Васильев Казанцов. Он помнил еще бывших в Пелыме воевод: Патера, Страхова, Зубатова и последнего Путилова, который закрыл город, как были сосланы в Березов князья Меншиков, Долгорукий, когда при-

[1] Материалы для истории города Боровска и его уезда. Т. I. Боровск, 1913. С. 77.

[2] РЭМ. Д. 1569. Л. 10.

[3] См.: *Громыко М.М.* Культура русского крестьянства XVIII–XIX вв. как предмет исторического исследования // История СССР. 1987. № 3. С. 51.

везен в Пелым граф Миних и т. д. Пелымцы рассказывали о Минихе, прожившем 20 лет на берегах Тавды. Он предпочитал редко выходить из замка, но иногда ловил с местными рыбу, косил с ними траву, разводил молодые кедры. Щедро платил крестьянам за работу и ласково с ними обходился: крестил деревенского мальчика, заботился об обучении своего воспреемника грамоте. Когда пришло повеление об освобождении Миниха, он раздал все свои пожитки, потом объехал вокруг Пелыма, прощался с жителями и они благославляли путь его[1].

В Олонецкой губернии жители также трепетно хранили свою историю; здесь займут вас здесь рассказами о наместниках: Тутолмине, Коновницыне, о губернаторах Державине и Рахлевском (40-е годы XIX в.)[2].

Исторические сведения об отдельных событиях, приобретших впоследствии характер общенародных, максимально полно и точно воспроизводились в местах, непосредственно связанных с этими событиями. Практически в каждом из селений, расположенных близ маршрута казанских походов Ивана Грозного, спустя три столетия широко бытовали местные предания, совпадавшие с летописными сообщениями (так, в фольклоре довольно точно указывались царские станы). Крестьяне рассказывали, что всякий раз, когда царь останавливался станом, он пересчитывал своих воинов, чтобы те не разбежались по дремучим лесам. Каждый ратник подходил к царской ставке и высыпал перед государем шапку земли. Оттого и сделались эти курганы – мары, как слывут они в народе[3]. По марам и преданиям был восстановлен путь завоевателя Казани. То же самое можно сказать об относительно большей исторической осведомленности о восстаниях Разина и Пугачева крестьян Нижнего Поволжья и Дона по сравнению, например, с населением севера России.

Несмотря на определенную локальную и конфессиональную специфику, в народной памяти по всей территории расселения русского этноса сохранился единый в своей основе круг исторических фактов – общенациональных по своему характеру. Их трактовка, если и варьировалась, то очень незначительно. Народные исторические воззрения во многом определяли национальное самосознание русских.

---

[1] См.: Воспоминания Пелымского старожила // Маяк. 1842. Т. 2. № 4.

[2] Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении, составленные В.Дашковым. СПб., 1842. С. 177.

[3] Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки. Ф. 472 (П.И.Мельникова-Печерского). Оп. 1. № 34. Л. 2–2 об.